

Армянская национально-освободительная борьба 1885-1908 гг. по оценкам Петроса Тепояна

Сурен Саргсян

кандидат исторических наук, доцент, Институт истории НАН РА

Армянская национально-освободительная борьба, по сути, вступила в решающую фазу с половины 80-ых годов 19-го столетия и, фактически, завершилась принятием младотурецкой конституции в 1908 году. До сегодняшнего дня в нашей историографии остаются открытыми некоторые вопросы того периода, которые нуждаются в освещении. Так, в освободительной борьбе имелись разные направления, которым присущи отличающие и объединяющие их стороны, кроме того должным образом не рассматривался вопрос эффективности освободительной борьбы. Всесторонне не обсуждались и не представлялись причины первой массовой резни западных армян, произошедшей в период подъема борьбы (1890-ые годы). Имеется ли связь между резней и теми надеждами, которые в ходе организации освободительной борьбы армянские национальные партии зачастую связывали с вмешательством великих держав? Каким путем можно было бы достичь желаемого успеха – надеясь на великие державы и организацией отдельных эпизодов борьбы, или же сплочением сил во имя единой цели? Эти и множество других вопросов пока еще не нашли окончательные ответы. Но, пожалуй, их можно найти путем изучения обильной партийной литературы того периода и принятием тех научно-исторических концепций, **обобщение которых мы находим в литературном наследии историков и политических деятелей трех партий.**

Наконец, горьким, но неопровержимым фактом является то, что сформировавшаяся вокруг вопроса западных армян национальная освободительная борьба потерпела поражение. **Всестороннее** восприятие причин этого поражения невозможно без анализа как многочисленных и разнонаправленных работ, посвященных этой борьбе, так и без детального рассмотрения партийной историографической мысли. Именно эта убежденность побудила нас приступить к данному исследованию.

Относительно истории армянской освободительной борьбы периода 1885-1908 гг. с уверенностью можно утверждать, что партия Гнчакян,

так же как и арменаканов, не имеет партийной историографии. Следовательно, как и в случае с партией Арменаканов¹, относительно армянской освободительной борьбы этого периода здесь также речь может идти, в основном, об историографической мысли гнчакских партийных деятелей.

Книги Петроса Тепояна, которые он издал в виде серии под названием “Ухтуацинер”, представляют интерес в двух аспектах: а) в их предисловиях имеются некоторые своеобразные оценки автора о событиях конца 19-го и начала 20-го веков; б) они являются переоформленными личными воспоминаниями гнчакянов, которые он пересказывает и представляет подходы этих деятелей к ключевым историческим событиям того времени.

На наш взгляд, наиболее интересной и содержательной частью книги о Мигране Таматяне является ее предисловие, поскольку там имеются оценки концептуального значения, относящиеся как к отдельным эпизодам армянской национально-освободительной борьбы этого периода, так и преследуемым ею тактическим и стратегическим задачам. А собственно, изложение книги, которая названа “Таматян и его дело”², по сути, является письменным воспроизведением воспоминаний Таматяна. Книга имеет исключительное значение первоисточника, и в целом не содержит каких-либо оценок или мнений, которые относились бы к деятельности Таматяна, к организованным гнчакянами боевым действиям в ходе освободительной борьбы или их стратегии освобождения Западной Армении. Поэтому, мы сочли необходимым анализировать в основном некоторые на наш взгляд интересные точки зрения, представленные в предисловии воспоминаний, которые относятся к подъему армянской национально-освободительной борьбы и ее дальнейшему развитию.

---

¹ Об этом подробнее см.: С. Саргсян, Национально-освободительная борьба армянского народа 1885-1908 гг. по оценкам деятелей арменаканов, Ереван, 2010.

² См.: Петрос Тепоян, Мигран Таматян (1863-1945), Бейрут, 1964, также Атом Асланян, Бейрут, 1988.

Во-первых, особого внимания достойны выраженные П. Тепояном мысли о причинах формирования освободительных движений армян (и не только армян) против Турции. Он высказывает мнение, что при представлении любого деятеля, в данном случае М. Таматяна, необходимо “хотя бы бегло оценить Турцию того времени, как политической, экономической, социальной и национальной среды, и нужно также понимать законное и незаконное многовластие страны, что побудило развитие ключевых исторических событий последнего столетия и стало причиной армянской и других национальных освободительных движений и их неизбежных последствий, нужно также касаться внутренних и внешних политических, экономических и психологических направляющих узлов и созданной их сопоставлением опасной атмосферы и, наконец, связанных с Армянским Вопросом различных исторических факторов и катастрофической действительности противоречия интересов того времени”³.

Автор одновременно делает три важных умозаключения:

а) наиболее важную причину армянских национально-освободительных движений ищет в сути Турции, как государства, и преподносит вопрос так, что живущие по различным политическим, экономическим, социальным и национальным признакам народы (армяне, греки и другие) должны были попытаться двигаться по направлению поиска путей освобождения;

б) П. Тепоян не исключает влияния внешних факторов на освободительные движения армян (и не только армян) и показывает, что ухудшающееся с каждым днем внутреннее положение Турции было обусловлено также вмешательством великих держав;

в) Армянский Вопрос он не воспринимает только лишь как поднятую армянами проблему, а связывает также с “катастрофической действительностью противоречия интересов” внешних сил.

Эти умозаключения считаем нужным выделить по той простой причине, что они позволяют делать правильные выводы о причинах армянской трагедии - причинах, которые, к сожалению, до сих пор оцениваются однобоко, а порой – и неверно. А комплексное представление этих причин и выявление внутренних причинных связей имеют актуальное значение. В свое время это правильно понял именно П. Тепоян, поскольку он находит, что прежде чем говорить о М.

Таматяне, “нужно дать скелет исторического периода или причины сложившейся общей его картины, движения и факторы, под диктовку и под непосредственным воздействием которых зародилось, возникло и развивалось историческое движение освобождения армян, и горькая судьба армянского народа привела к трагической развязке. Бесспорно здесь нужно констатировать, что данная развязка, по оценке армянского народа, была лишь несчастным этапом, а не окончательной расправой”⁴.

Примечательна смелость П. Тепояна, поскольку только немногие пытаются сознаваться⁵, что в конце 19-го и начале 20-го веков армянская освободительная борьба завершилась поражением. Более того, он находит, что наши старания к решению вопроса привели к “несчастному исходу”, хотя который к тому времени сразу не превратился в расправу, но который не долго заставил ждать и 1915 год (вместе с последующими 7-8 годами) стал годом окончательной расправы для западных армян.

В работе П. Тепояна весьма важным является поиск причинно-следственных связей в процессе оценки событий, что в целом ему удается, поскольку исследователя это приводит к восприятию того понимания, что только “предметный” анализ позволит прийти к выявлению истинных причин наших поражений.

“Это не дело совестливого студента истории, - пишет он, - с мудростью измерять и взвешивать достоинства людей прошлого и значение исторических событий. Понятия “нужно было или не нужно было” относительно прошедших лиц и событий истории не предполагают трезвых суждений. Оценку событий и людей нужно делать на основе фактических данных этого времени и с владением психологических принципов этого же времени”⁶.

Воистину, выражение мнений без предметного и глубокого исследования исторических событий – это пустая философия. Высказанные по истечении десяти, а то и ста лет всякие умозаключения, особенно с игнорированием фактов, есть следствие стремлений к пророчеству задним числом. Выявление тактических или стратегических ошибок в результате добросовестного изучения фактов – вполне приемлемое явление, однако параллельно этому нужно ис-

⁴ Там же, с. 6.

⁵ Одним из первых был заслуженный Лео, который с болью рассматривает эту проблему, особенно в своих ценных трудах “Из прошлого” и “Революционная идеология турецких армян”.

⁶ Там же, с. 7.

³ Петрос Тепоян, Мигран Таматян (1863-1945), с. 5.

кать также и причины этих ошибок. С осознанием всего этого П. Тепоян предподносил мнения концептуального значения. Попытаемся более глубоко убедиться в этом.

В предисловии указанной книги П. Тепоян, во-первых, останавливается на пробуждении свободомыслия в Западной Армении. Он выражает точку зрения, что данное пробуждение произошло в конце второй четверти 19-го века⁷ – параллельно пробуждению национализма в турецком политическом мышлении.

Затем он приводит отрывок из политического завещания Фуат паши султану Азизу, в котором на политическом языке было изложено о “необходимости слияния племен в границах Османской империи, а при его невозможности – их истребление для создания однородной Турции”⁸.

Порой, можно согласиться с данным мнением автора, но только с той оговоркой, что подобное восприятие стало главенствующим в среде турецких властей не в указанный период, а в последней четверти 19-го века. Однако очевидна та истина, что любая идеология предшествует практическим шагам осуществления последней, что может требовать достаточного времени. В пользу правдивости этого мнения говорит пройденная дорога многих народов мира, а в качестве примера можно рассмотреть хотя бы то, что в 60-70-ых годах 19-го века уже формировывалась идеология армянской освободительной борьбы, а сама борьба началась только с половины 80-ых годов того же века.

Как уже было отмечено, согласно П. Тепояну, **пробуждение армянской национально-освободительной и турецкой националистической идей произошло параллельно, одновременно и совместно друг с другом.**

А отличие между национальным и националистическим является очевидным фактом. Выйдя на справедливую борьбу против поработителей и попираателей своих вековых и данных свыше прав, национальный деятель ставит задачу восстановления своих погранных исторических прав, а националист готов уничтожить целое племя или народ – ради господства своей нации. Таким образом, пробуждение турка и армянина должно было свести к неизбежному противостоянию.

Не менее интересны определения П. Тепояна о различиях целей турецких властей в отношении наций до принятия туранизма и после

этого. Касаясь этой темы, он пишет: “Старые турки – это кочевой народ, который впитал в себе тиранический характер первобытного человека. Новые турки, сохраняя старые свойства, однако прибавили новый элемент. **Если для старых туток тирания была обязательной характеристикой, то для новых туток обязательным и неизбежным элементом их бытия явилось слияние воедино чуждых им племен и народов или их полное истребление. На основе исправления старых ошибок новое поколение должно было возглавить работу созидания нового и сильного имперского пространства**”⁸.

Иными словами, если ранее побужденные религиозным фанатизмом и диким желанием властвовать, и будучи далекими от хотя бы простого восприятия таких понятий, как нация, родина и др., турки резали стоящие на их пути народы, то сейчас, имея необходимость в **обосновании родины** (поскольку, чем они завладели, не принадлежало им), они уже готовы основательно уничтожить целые племена и народы. Полагаем, что данное концептуальное заключение, к которому приходит П. Тепоян, весьма важно не только для армянских историков, изучающих упомянутый период истории, но также для всех туркологов иных национальностей.

Осуществление стремлений к политическому господству турецкого племени было не столь легким делом, поскольку игнорировались внутренние и внешние препятствия к его достижению. А вставшее на ноги во имя восстановления своих прав на исторической родине армянству на этом пути ждали тяжелые испытания, которые, в основном, были обусловлены следующими причинами: 1. раздробленностью национально-освободительной борьбы; 2. несовместимостью политического сознания живущих в Турции христианских и нехристианских элементов, что искусно использовалось турецкими властями; 3. противоречивой и заговорщической позицией великих держав.

“Турки преследовали цель слияния других народов или их уничтожения, в частности – программу окончательного снятия с повестки армянского препятствия на этом пути, - писал П. Тепоян. А армянин, воодушевленный успехами освободительных движений других народов, руководствовался побуждением восстановления хотя бы собственных гражданских прав. Таким образом, ввиду своеобразных требований времени и развития событий, новые поколения этих двух народов становились реальными врагами. В

⁷ Там же.

⁸ Там же.

этом отношении, они бесспорно **служили расширению той бездны, которая возникла в результате внешнего политического влияния.** Именно в условиях этих двух психологически взаимоисключающих стремлений были запрограммированы внутренние стороны решения армянского освободительного движения⁹.

Из этой цитаты вытекает одно обобщение: пропасть между армянином и турком углубилась, армянская освободительная борьба была неминуема и закономерна, но были ли способствующие расширению указанного барьера внешние силы честными по отношению к армянам? Однозначно – нет.

Касаясь внешних сигналов, П. Тепоян ссылается на французскую революцию, лозунги которой повлияли на многие народы (балканские, русские и др.). В отношении восприятия идеологическое влияние французской революции было аналогичным у всех народов. Однако различными были возможности реализации этих лозунгов. И поэтому, как замечает автор, Армянский Вопрос в Турции вначале проявился в виде стремлений к обеспечению гражданских прав, и проявлениями которых были Хатты Гумаён, Хатты Шериф и Танзиматы. А после Сан-Стефанского и Берлинского договоров армянский народ встал на путь политической борьбы “под скрытым, но чаще явным огнем антиармянской политики турецких властей и народа. И тогда, заранее зарожденная неприязнь между турком и армянином превратилась в явную вражду”¹⁰.

Таким образом, по мнению П. Тепояна, явная неприязнь между турком и армянином превратилась в явную вражду. Довольно ёмким, правдивым и смелым кажется его откровение: “Хотя и обеими сторонами последовательно были предприняты усилия, но борьба не на жизнь, а на смерть продолжалась с периодическими удачами и промахами сторон. Следствием этой борьбы стало уничтожение слабой стороны в известных условиях в Турции”¹¹. Из заключения П. Тепояна важным является то, что борьба армянского народа была неминуемой. Он указывает также на внешние движущие силы этой борьбы и проливает свет на причины поражения, из которых особо нужно выделить следующее:

а) со стороны международных инстанций Армянский Вопрос в правовом отношении был решен в пользу армянского народа, но с их стороны в качестве основания не были приведены необходимые правовые факты (“фактическая аргументация”);

б) турецкий тоталитарный режим воспринимал подданные ему народы как источник его рабов, и это стало для него линией психологического поведения;

в) эта же самая психологическая линия была засеяна также в других народах, живущих почти теми же племенными признаками, но не хозяйствующими – в курдах, которым не присуще было правильное восприятие собственных политических интересов, и которые поэтому в отношении армян проявляли ту же губительную позицию.

Считаем не лишним также касаться некоторых точек зрения П. Тепояна, относительно провалившейся так называемой пантуранской программы.

“Нужно признать, - писал он, - что за исключением русской могучей силы, Армянский Вопрос является тем реальным барьером, тем клином, который скалой стоит в этом жизненном пространстве и препятствует реализации пантуранской мечты”¹². Думаем, здесь имеет место некоторое преувеличение. В отношении демографической картины, рассеянность армянского народа по всей территории турецкой государственности, которая была по его же вине, его стратегическая неготовность вовсе не могли стать препятствием против туранства или пантуранской политики. Несомненно, Россия является одним из весомых факторов провала данной политики, но не нужно забывать и то, что, помимо периодической поддержки Турции со стороны европейских держав в определенные периоды истории, некоторые из тех же государств не могли не препятствовать реализации пантуркизма. Следовательно, истинные причины неприобретения данной идеологией реальной почвы нужно представить целостным образом. В отношении Армянского Вопроса надо утверждать, что он настолько был действенным против указанной идеологии, насколько борьба армянского народа против Турции поощрялась крупными державами. Армяне в одиночестве не в состоянии были противостоять осуществлению этой программы. Это наше убеждение, которое невольно утверждает также автор, отмечая, что “среди турецкоподданных народов наиболее

⁹ Там же, с. 8, Эти и все последующие подчеркивание сделаны автором.

¹⁰ Там же, с. 10.

¹¹ Там же, с. 14.

¹² Там же.

жестокие страдания выпали на долю армян. Лишенные внешней защиты, армяне, которые на протяжении веков на своей исторической родине подвергались со стороны турок политике истребления, из недавно еще существующей однородности постепенно превратились в крепкое национальное меньшинство по отношению к мусульманским племенам. И это неоспоримый факт племенного достоинства противодействия¹³.

Хотя трудно согласиться с выражением “крепкое меньшинство” так же, как и с тем, что это стало следствием противодействующих достоинств армян, во всяком случае в период с половины 1880-ых годов до майских освободительных боев 1918 года. Также трудно не сомневаться в отношении Армянского Вопроса, как препятствующего пантуркизму фактора.

Армянский Вопрос не следует воспринимать только лишь как проблему освобождения армянского народа, а будучи составной частью Восточного вопроса, он часто служил политическим программам крупных держав. Поднимая Армянский Вопрос перед Турцией, не армяне, а именно данные державы тем самым препятствовали осуществлению пантуранских целей. Такова историческая правда.

И наконец, важным считаем также указание П. Тепояном на то обстоятельство, что среди всех народов Османской империи наиболее развитыми являлись армяне. Параллельно экономическому развитию, со второй половины 19-го века наметился беспрецедентный рост интеллектуального потенциала армян и пробуждение от векового оцепенения, что и подготовило армянское национально-освободительное движение. Однако эта борьба потерпела поражение не только в результате турецкой политики истребления армян, но также из-за столкновения экономических интересов крупных держав – интересов, которые оттесняли Армянский Вопрос на задний план, а между тем связывание его решения армянским политическим руководством с крупными державами в некоторой степени стало пагубным для нашего народа.

Второй труд П. Тепояна, посвященный видному деятелю освободительной борьбы Атому Асланяну, также содержит достаточно интересное введение (“Ретроспективный взгляд на нашу освободительную борьбу”) и включает переизложение воспоминаний А. Асланяна автором с той разницей, что за описанием многих эпизодов

освободительной борьбы следуют важные выводы и оценки.

Во-первых, о концептуальных значениях некоторых положений введения: “Только жесточайшая тирания зарождает и способствует возникновению освободительных движений. Наши старые и новые освободительные движения также были в причинной связи с тиранией и не могли быть исключением. Наш современный опыт являлся неизбежным следствием турецкой тирании, запланированной программой которой было истребление народа на своей же исторической родине”¹⁴. В самом начале произведения данное заключение автора аналогичное значение имеет не только для армянского, но также и для национально-освободительных движений всех угнетенных народов. Конечно, данная теория не нова, и национально-освободительные движения всегда были результатом жестокой политики тиранических режимов.

Однако более важным является следующее его обобщение: “Слабый по определению должен исчерпаться, если не прибегнет к защите самого себя”¹⁵. Невозможно не согласиться также с его следующим теоретическим обобщением: “Зарождение и развитие всех освободительных движений происходит только в удушающей атмосфере тирании”¹⁶.

Известной истиной является то, что неудавшееся рассмотрение Армянского Вопроса на Берлинской конференции стало сигналом для подъема армянской освободительной борьбы. Следовательно, можно согласиться также со следующим обобщением П. Тепояна: “Когда ретроспективным взглядом смотришь на трагедию Армянского Дела (Ай Дата), то можно увидеть, какие пагубные для нашей последующей истории содержала Берлинская статья 1878 года. Раздувание международного политического Вопроса в рамках Восточной проблемы прибавляло новые задачи, которые при последовательном развитии исторических событий создавали отдельные осложнения и требовали новых решений”¹⁷.

Иными словами, именно в политике крупных держав нужно искать причины армянской трагедии. Посему, совершенно обосновано также следующее суждение П. Тепояна о том, что “получивший международное звучание Ай Дат после полувековых попеременных преобразо-

¹⁴ Там же, с. 17.

¹⁵ Петрос Тепоян, Атом Асланян, Бейрут, 1988, с. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 10.

¹³ Там же, с. 17.

ваний создал новые кризисные ситуации для армянского народа, пока не получил свое заключение в виде бесславного обнищания правосудия международных дипломатических инстанций¹⁸.

Конечно, **поднятие на международный уровень Армянского Вопроса, по сути, не привело к каким-либо изменениям в вопросе отношения Турции к западным армянам.** Более того, турецких властей разозлили убеждения некоторых армянских политических сил, которые решение Армянского Вопроса связывали с крупными державами, что, кстати, не оправдало себя.

Интересно то, что П. Тепоян армянские трагедии оценивает в одной общей цепи, сопоставляя позиции как крупных держав, так и Турции, и создается то **правдивое впечатление, что политика истребления армян со стороны Турции была прямо пропорциональна вмешательствам этих держав в Армянский Вопрос, что, несомненно, исходило из собственных политических интересов.** Совершенно беспристрастен П. Тепоян также при следующем своем заключении: “В совершенном (со стороны крупных держав – автор) мы не видим вражды по отношению к нам, а только лишь преследование собственных интересов со стороны каждого”¹⁹.

Нужно признаться, что наивными были только мы, потому что никогда не могли оценить вероятность быть обманутыми со стороны крупных держав на различных стадиях рассмотрения Армянского Вопроса.

П. Тепоян выражает то мнение, что после 1878 года проблема стояла в следующем виде: или турок должен был жить, или армянин, или другие нации. Достаточно интересным является то убеждение автора, что “...господствующий элемент не имел ни количественное превосходство по отношению к подчиненным народам, ни цивилизационное превосходство для их слияния во имя общего восприятия османских интересов, следовательно, он должен был прибегнуть к непристойным чрезвычайным мерам”²⁰.

Но почему подчиненные народы, в конце концов, потерпели поражение. Причина одна – потому что они не приобрели сознание объединенной борьбы. Такого же мнения придерживается П. Тепоян. Примечательно также то, что в деле освобождения балканских народов крупные

державы в положительном смысле имели большую заслугу, что, однако, они не продемонстрировали в отношении армян, тем самым сыграв весьма большую негативную роль в дальнейшей судьбе армян.

Не случайным является то, что последующие после Берлинской конференцией годы автор считает периодом “ошеламленной мысли”, спустя короткое время после которого последовала армянская освободительная борьба, которая уже была на стадии формирования, когда зародились армянские партии.

П. Тепоян беспредельно интересно анализирует деятельность партии Гнчакян в 1890-ые годы²¹. Он не ошибается, когда пишет, что “организованная по всеармянским критериям первая партия вышла на арену под именем Гнчакян и вскоре распространила свою организованную сеть во всех уголках страны”²².

Родившаяся в армянской политической реальности данная вторая партия действительно создала организационно-партийные структуры как в западноармянских регионах, так и в Малой Армении, в Киликии и в других городах Турции, в том числе и в Константинополе. Бесспорным является мысль автора о том, что “за короткий период движение Гнчакской партии бросило сильные корни в уже революционно настроенных армянских районах внутренних регионов Турции и в Константинополе, и частично распространилось на Кавказе. Партия быстро приобрела славу, как преданная делу защиты народа сильная организация”²³.

Однако было похвально и то, что партия говорила также об ошибках центрального органа партии, которые, в основном, были обусловлены недостаточным знанием внутренней ситуации в Турции, и среди этих ошибок особо выделяла следующие:

1. Приклеивание листовок на турецком языке на стенах мечетей и публичных заведений, чему незамедлительно последовали аресты и пытки сотен армян, а также обыски и угнетения;

2. Убийство посланного из Константинополя в Арабкир городского комисара Юсуфа, якобы для представления в прессе деяния в качестве наказания со стороны партии, которое также тяжело отразилось на революционном деле как в самом Арабкире, так и в других городах;

²¹ Там же, с. 16.

²² Об этих процессах имеется множество архивных материалов, которые заключены в фонде 1456 НАА, и некоторые другие ценные исследования.

²³ Там же, с. 18.

¹⁸ Там же, с. 12.

¹⁹ Там же, с. 13.

²⁰ Там же, с. 13.

3. Предшествовавшее восстанию в Сасуне (1894) заявление в прессе, которое открыло глаза турецкому правительству и ускорило сасунскую трагедию.

Эти и другие подобные действия, - обобщает автор, - лишь послужили разрушению намеченных в стране дел руководителей и взбудорожили антиармянские страсти турок²⁴.

Данную пространную цитату мы привели для того, чтобы показать, что в отличие от многих других авторов, у П. Тепояна наблюдается похвальная смелость, в числе прочих достоинств, указать также на упущения и ошибки в ходе нашей освободительной борьбы, которые отчасти и обусловили неудачу. Он признает (и поступает совершенно верно), что эти ошибки давали дополнительный повод турецким властям для резни. Данное обстоятельство он справедливым образом распространяет также на партию Дашнакцун, отмечая, что роль партии заключалась в том, что до событий 1904 года в Сасуне (которые он считал катастрофой) уже громко и ясно говорилось об ожидаемых событиях. Резкое падение авторитета партии Гнчакян после резни 1895-1896 годов П. Тепоян обуславливает преждевременными и шумными действиями партии и отмечает, что "всеармянское значение и прелесть Партии Гнчакян коренным образом потсрадали, и чрезвычайно ослабился также фронт борьбы"²⁵.

Борьба больше не приобрела былую силу. Невозможно также оспаривать правдивость следующего суждения автора о партии Дашнакцун: "Армянская Революционная Партия Дашнакцун была восточноармянской по происхождению, но и осталась таковой в отношении руководства партии. Эта партия также руководствовалась аналогичной логикой показательных действий, используя и прессу, и трибуны, с той же непоправимой наивностью в симпатии к дипломатическим кругам, и эта же линия продолжается в настоящее время в деле освобождения Армении"²⁶.

Эти строки П. Тепояна имеют актуальное звучание, поскольку и сегодня многие в политических кругах проникнуты той же "непоправимой наивностью" в отношении крупных держав с неизменным почти 300-летним романтизмом.

По мнению П. Тепояна, одним из уязвимых сторон армянской освободительной борьбы стало то, что происхождение и развитие и

партии Гнчакян, и партии Дашнакцун носили "клеймо восточноармянской революционной мысли, и их действия протекали с одинаковыми промашками"²⁷.

А восточноармянская политическая мысль была проникнута русской революционно-народнической идеологией, которая была несопоставима с революционным восприятием западноармянских политических деятелей.

В связи с процессом раскола партии Гнчакян П. Тепоян делает теоретические обобщения, в которых выделяется и придается особое значение программным положениям этой партии: "Когда западноармянские лидирующие революционные деятели (гнчакян) вышли из турецкого ада гамидских гонений, они присоединились к своим товарищам, действующим в других странах и потребовали от Назабекяновского центра: а) материальное и моральное содействие; б) отказ от идеологической линии социалистической пропаганды и миссии, придавая партии сугубо национально-освободительный образ, что и было основной сутью ее миссии; в) учитывая уроки тяжелых испытаний, отказ от показательных действий и принятие тактики бесшумной подготовки"²⁸.

То есть, реорганизационщики выдвигали совершенно серьезные и обоснованные задачи, что а) для решения национально-освободительных задач западное армянство нуждается в материальном и моральном содействии; б) приверженность социалистическим идеям является несвоевременным; в) частичные, показательные действия ничем не способствуют решению проблем западных армян, а вместо этого нужно тихо и серьезно готовиться.

Эти элементарные понятия отсутствовали у не посещавших никогда Западную Армению назарбекянов, что и привело к раздробленности армянской освободительной борьбы и расколу партии Гнчакян.

Правдивость всего этого принимает П. Тепоян: "Недостаток в гармонии движения главным образом нужно приписать к раздробленному стилю действий"²⁹.

И наконец, прав П Тепоян, когда он не видит гарантии успеха армянской освободительной борьбы в ориентациях армянской духовной и политической сил, - борьбы, которая пережила период подъема после Берлинской конференции, и которая на протяжении 30 лет своего сущест-

²⁴ Там же, с. 19.

²⁵ Там же, с. 19.

²⁶ Там же, с. 20.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 21.

ования носила печать политического романтизма. Следующие строки автора полностью соответствуют армянской освободительной борьбе того периода: “Погибнуть во имя народа и быть преданным осуществлению великой мечты вплоть до примирения со смертью. Таковым было душевное требование цвета армянской молодежи тех дней”³⁰.

Но зачем умирать, если от этого ничего не выигрывает твой народ, зачем действовать, осознавая неэффективность подобной смерти? Этот вопрос не задавался вплоть до 1904 года. А когда он возник, то уже было потрачено и много времени, и много резервов освободительной борьбы.

Следующая, более объемная часть книги П. Тепояна посвящена воспоминаниям А. Асланяна, вернее, их переизложению со стороны автора, в которой также имеют место обобщения концептуального значения, и было бы упущением не рассматривать их.

Гнчакский деятель 1890 года Атом Асланян (1865, Себастья – 1954, Каир) “был одним из представителей той идейной молодежи, которая сознательно посвятила себя освобождению собственного народа”³¹. Считаем необходимым анализировать и оценить его суждения об этой борьбе, которые, по нашему мнению, представляют большую ценность в теоретическом и историографическом отношении.

Известно, что гнчакяны всегда с гордостью и удовлетворением говорили о митинге в Гум-Гапу (июль, 1890 г.). Но вот что пишет об этом А. Асланян: “Из-за этого бессмысленного митинга партия в Константинополе подверглась крупным потрясениям”³².

Действительно, по сути, это был бессмысленный митинг, который не только ничем не помог решению армянских проблем, но также никак не поднял авторитет партии Гнчакян. Но более интересно следующее его откровение: “После этих событий Патриарх Хорен Ашгян настойчиво требовал свою отставку. **Целью партии было создание атмосферы безвластия, которая удалась. Национальная власть была обречена на бездействие. Ликвидировались все собрания, и в патриаршестве не было ответственного органа. Такое положение длилось несколько месяцев**”³³.

Фактически, этим действием партия Гнчакян преследовала цель не только привлечь внимание Европейских государств к Армянскому Вопросу, но также парализовать деятельность национальных органов – Патриаршества и национальных собраний. Возникает вопрос – почему? Ответ однозначно ясен: патриарх Ашгян считался консервативным деятелем, с турецкими властями вел осторожную политику, которую не могли терпеть армянские “революционные” организации. Создается такое впечатление, что армянские партии, в частности Гнчакяны и Дашнакцун, более всего шли на такие действия для выставления себя перед Европой в качестве “революционных” сил, нежели судили о степени полезности этих шагов для собственного народа. Однако, похвально хотя бы то, что данный митинг считает бессмысленным член гнчакянов А. Асланян, признание, которое противоречит ошибочным обоснованиям других членов гнчакян об эффективности и необходимости данного действия.

То, что этот митинг и другие действия 1890-ых годов принесли больше вреда, чем пользы, невольно подтверждается также следующими строками А. Асланяна: “Эта результативная работа беспрепятственно продолжалась до резни 1895 года (имеет ввиду работы Административного органа партии Гнчакян в Константинополе, которые, на самом деле, не были столь результативными - автор). Резня 1895-1896 годов, антиреволюционные преследования со стороны турецкого правительства и истощение рядов армянского народа заставили руководящих деятелей пересмотреть всю деятельность и наметить новые пути и стиль действий для достижения своих целей. Это стало одной из главных причин, приведшей к непримиримому расслоению внутри Партии, к разложению единства и раздроблению, о чем определено уже было указано”³⁴.

Из этой цитаты естественным образом вытекают следующие заключения:

1. Хотя действия до 1895 года он и считает результативными, в последующих строках справедливо утверждает об их “неэффективности”;

2. По мнению А. Асланяна, армянские политические руководители, фактически, после этих событий осознают безрезультативность своих действий и начинают задумываться над пересмотром и изменением тактики деятельности;

³⁰ Там же, с. 22.

³¹ Там же, с. 26.

³² Там же, с. 28.

³³ Там же, с. 42.

³⁴ Там же.

3. Именно осознание безрезультативности деятельности привело к расколу партии Гнчакян.

А. Асланян интересным образом касается попыток объединения партий Гнчакян и Дашнакцуюн. Интересно то, что в несостоятельности данного объединения он не обвиняет свою партию. Создается впечатление, что объединение такое было, о чем свидетельствуют следующие его строки: «Эти переговоры (между партиями Гнчакян и Дашнакцуюн – автор) привели к достижению общего заключения и подписанию соглашения между сторонами. Согласно данному соглашению, вновь сформированная партия должна была иметь свой официальный орган, а «Гнчакян» должны были заниматься только теоретическими и идеологическими вопросами. Этот прилив успеха вызвал чрезвычайную восторженность во всех кругах, и руководящие члены уже отправились в регионы для создания общеармянского объединенного партийного движения»³⁵.

Особенно из подчеркнутого нами предложения можно прийти к заключению, что действительно, объединение партий приветствовалось со стороны всех партийных и духовных кругов. При условии создания данного союза армянская освободительная борьба унаследовала бы более реалистичную тактику, однако, к сожалению, это объединение не состоялось.

Хотя А. Асланян теоретически и не обосновывает необходимость в подобном объединении, тем не менее, в его провале обвиняет А. Назарбекяна. Он пишет: «На указанных переговорах от Партии Гнчакян участвовали Р. Ханазат и некоторые другие товарищи. Подписанный проект направляется в «Гнчакян» для издания и официального объявления об объединении в среде всех революционных организаций. Однако Назарбекян после этого выступает с критической речью против этого союза»³⁶.

Это исключительный случай, когда Гнчакский деятель, хотя и косвенно, обвиняет своего же партийного руководителя в провале объединения. Случай исключителен тем, что и гнчакяны, и дашнаки в этом всегда обвиняли противоположную сторону. Кажется, А. Асланян в этом беспристрастен, хотя и полностью не выявляет свои точки зрения.

С нашей стороны добавим, что в деле провала этого союза свою долю вины имели обе стороны и, к сожалению, не было того понимания, что уже события половины 1890-ых годов

доказывали, что секрет неудачи армянской освободительной борьбы заключался также в отсутствии единства.

Интересны также мнения и оценки А. Асланяна по поводу митинга Бап Али (1895 г.), которые весьма правдивы и реалистичны: «Замечая, что реализация политики правительства и Гаида по программам реформирования сильно затягивается, и продолжаются гонения во внутренних регионах страны, руководящий орган в Константинополе решает с детально обоснованной декларацией обратиться к послам шести крупных государств для вовлечения действенного вмешательства Европы. В декларации приводились также разъяснения по поводу предстоящих мирных митингов. Декларация передана посольствам, и митинг состоялся, однако не было ни одного вмешательства. Наоборот, правительство Гаида еще больше ужесточило отношение к армянам, которое завершилось массовой резней 1895-1896 годов»³⁷.

Таким образом, организованные гнчакской партией митинги с целью вмешательства крупных держав в пользу реформ А. Асланян считает безрезультативными. А следующее его мнение по поводу показательных действий 90-ых годов 19-го века сопоставимо с исторической концепцией: «Организованные в Турции в течение около 10 лет показательные действия привели к отрицательному результату для интересов армянского народа»³⁸.

Насколько бы не было это мнение жестоким, тем не менее, это неоспоримая правда.

Именно эти соображения стали причиной тому, что А. Асланян примкнул к преобразованным гнчакянам. После преобразований партия Гнчакян, как целостная политическая организация, фактически, больше не смогла встать на ноги. А причину раскола партии он полноценно объясняет следующим: «К сожалению, находящиеся в руководстве партии восточные элементы, руководствуясь своим монопольным стремлением, отвергли голос разума и дали ход своим привычкам»³⁹.

Если попытаемся из указанных томов П. Тепояна и А. Асланяна выделить мнения об армянской освободительной борьбе, то сложится следующая картина:

³⁵ Там же, с. 44.

³⁶ Там же, с. 50.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 124.

³⁹ Там же, с. 124.

1. Армянская освободительная борьба была следствием тиранической политики по отношению к армянам.

2. После Берлинского провала создалось впечатление, что решение Армянского Вопроса зависело от крупных держав, но эта зависимость сохранилась практически весь период, в частности в 90-ых годах 19-го века.

3. Деятельность партии Гнчакян не протекала в условиях обобщений политической и

экономической ситуации в Западной Армении в частности, и Турции – в целом, и вытекающих из этого решительных практических шагов, а по сути, она была романтической, а в организационном плане – необъединенной.

4. В силу избранной ошибочной тактики и стратегии деятельность А. Асланяна и других преданных членов партии не дала ожидаемых результатов.

The Armenian National-Liberation Struggle in 1885-1908 in the Estimation of Petros Tepoyan

Sargsyan S.T.

The Armenian national-liberation struggle actually entered a decisive phase in the mid 80-ies of the 19th century and ended in 1908 with the adoption of the Constitution of the Young Turks. Up to now there are many unrevealed issues concerning that period in our history that need interpretation. Thus, there were different flows in the liberation struggle which had similarities and differences but the efficiency of our struggle has not been thoroughly studied yet. The reasons of the first mass massacres of the Western Armenians that took place during the uplifts of the struggle (the 1890s) still

have not been comprehensively interpreted etc. Was there any connection between the slaughter and the liberation struggle initiated by the Armenian parties with the hope for interference by mostly great powers? Was it possible to achieve the expected victory by relying on the great powers and by holding partial defense episodes or rather by uniting around one goal? These and many other questions haven't got their final answers yet. And the answers perhaps may be found through studying the vast documentation on that period created by the parties and through adoption of those historical conceptions which we can observe in the literary heritage of the leaders of the parties and historians. Aiming to find the answers to the mentioned questions the author analyzed the literary works by P. Tepoyan.